
18+
СОФИ ХАРТ
УРОКИ
ПОДЧИНЕНИЯ

Софи Харт

Уроки подчинения

«Издательские решения»

Харт С.

Уроки подчинения / С. Харт — «Издательские решения»,

— Я хочу, чтобы ты четко уяснила: в физиологическом плане я абсолютно нормальный самец. И, поскольку я совершенно точно не импотент, ты ведёшь очень опасную игру, девочка. Мое терпение не безгранично, Камила. И если ты продолжишь в том же духе, я решу, что ты действительно хочешь продолжения. А к тем правилам, по которым пойдет эта игра, ты явно не готова.— А с чего ты взял, что я хочу чего-то другого?

© Харт С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 20
Глава 6 22
Глава 7 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Уроки подчинения

Софи Харт

© Софи Харт, 2026

ISBN 978-5-0071-6780-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Синоптики в очередной раз пообещали тридцать семь градусов в тени. Для сочинского августа — дело привычное, обычные субтропические будни.

Стоило сделать шаг за порог кондиционируемой комнаты, как ты моментально начинал плавиться, но правила приличия требовали делать вид, будто ничего особенного не происходит.

Местные старожилы в таких случаях обязательно заводили волынку о том, что «вот в две тысячи двенадцатом было гораздо, гораздо хуже».

Впрочем, в этой удушающей жаре были свои плюсы.

Мой несчастный салат, который я упрямо пыталась вырастить в ящике на балконе, окончательно превратился в жухлое сено, зато южные розы в палисаднике буйствовали вовсю.

Из-за своего рабочего стола я отлично видела, как их пышные пунцовые и алые бутоны покачиваются от редких, ленивых дуновений ветра с моря. Внезапно на цветы упала тень, заслонив утреннее солнце.

Я потянулась в кресле, чтобы разглядеть происходящее получше, и увидела своего соседа Ивана, выходящего на пробежку.

Это означало, что на часах ровно половина седьмого утра. Мне следовало немедленно закрыть рабочую почту, которую я проверяла из дома, быстро одеться и поехать в университет, чтобы продолжить проверять ту же самую почту уже там.

На часы я даже не смотрела: Иван в этом плане был надежнее любых атомных курантов. За те два года, что мы жили бок о бок, я изучила его расписание настолько досконально, что могла бы с точностью до минуты сказать, где именно он находится в любой момент любого дня недели.

И нет, я не сумасшедшая сталкерша. Просто Иван любил систему и строгое расписание так же неистово, как другие мужчины любят футбол или пиво.

Он скользнул взглядом по моему окну, коротко кивнул и махнул рукой — этот ритуал мы беззвучно повторяли каждое буднее утро.

По выходным я в такую рань, конечно, не вставала, хотя знала, что Иван всё равно выбегает минута в минуту. Ровно в шесть тридцать, в любую погоду.

У него было три фиксированных маршрута. Я знала их потому, что частенько обгоняла его на машине по дороге в университет.

Первый маршрут — для дней с понедельника по четверг. По пятницам он бегал по другой траектории, а для выходных у него существовал третий путь — так он учитывал особенности курортного трафика, чтобы время его пробежки всегда оставалось неизменным.

Любому профессиональному шпиону хватило бы недели, чтобы составить полное досье на доктора Ивана Резникова, нашего местного светилу ракетостроения. Но вряд ли кто-то всерьез захотел бы за ним шпионить.

Разве что охотники за нобелевскими лауреатами.

Иван вообще был человеком, к которому нужно долго привыкать. Мне, например, понадобился целый год, чтобы осознать: я окончательно и бесповоротно к нему привыкла. И что он, черт возьми, чертовски сексуален.

Впервые эта мысль пришла мне в голову в тот день, когда Иван сначала повел себя как невыносимый зануда, а затем — как настоящий герой.

Это случилось в моей гостиной, где Иван почему-то проводил подозрительно много времени для человека, который, по его собственным утверждениям, терпеть не мог общество себе подобных.

Но я любила готовить, а в нашем тихом жилом комплексе для сотрудников университета обитало огромное количество вечно голодных гиков, так что моя кухня быстро превратилась в местный филиал кают-компании.

Иван тоже не отказывался от бесплатной еды, хотя в тот конкретный момент его куда больше занимал вопрос: какого черта кафедра теоретической физики обязана устраивать вечеринку в честь начала учебного года?

— По идее, это должно помочь вам лучше узнать своих коллег, — отозвалась я из-под раковины. Я пыталась нащупать банку с чистящим порошком, поэтому мне приходилось сильно напрягать слух, чтобы разбирать его ворчание.

— Но я и так их знаю. А с новичками познакомлюсь по ходу дела. Это люди, с которыми я сталкиваюсь ежедневно по работе. Почему я должен тратить на них свое личное, чертовски ценное свободное время? Зачем расходовать социальный ресурс на толпу людей, которые мне всего лишь сослуживцы?

Иван задавал эти вопросы мне, потому что мой диплом был по социальной антропологии — хотя сейчас я целыми днями занималась тем, что писала скрипты для анализа данных.

Идеальная вечеринка в представлении Ивана выглядела так: притащить свой системный блок, запастись чипсами и газировкой, а потом всю ночь увлеченно расстреливать виртуальных друзей в каком-нибудь сетевом шутере.

— Может быть, потому что это просто весело? — предположила я, наконец нащупав банку. — Можно немного расслабиться, хотя бы раз в году. К тому же большинство людей не считают социальный ресурс исчерпаемым источником. Общение — это не игра с нулевой суммой.

Раньше я не разговаривала на этом птичьем языке. Но прожив больше года в таунхаусе, заселенном исключительно астрофизиками, математиками и программистами, ты волей-неволей начинаешь сыпать их терминологией.

Этот жилой комплекс построили совсем рядом с новыми научными корпусами ФНТУ «Орион», поэтому контингент здесь подобрался специфический. В целом мне это даже нравилось: ребята всегда могли подсказать чит-коды к играм или починить зависший ноутбук, да и в случае ограбления у меня под рукой всегда была целая армия готовых прийти на помощь защитников.

— Я не говорю, что он исчерпаем, — упрямо возразил Иван. — Но он точно не безграничен. Нам и так хватает обязательных семейных сборищ по праздникам, зачем добавлять к этому еще и рабочую обязаловку? Погоди, а чем это пахнет?

— Понятия не имею. Я чувствую только запах отравы от тараканов, которую распыляла вчера. Черт, куда делся новый порошок для чистки плит?

— Он в ванной. В шкафчике под раковиной, с левой стороны, за мусорным ведром. И вообще, его нельзя хранить рядом с чистящими средствами на основе аммиака.

Я едва не пробила головой сифон раковины, резко выпрямляясь.

— Ты переставил мои вещи?

— Да. Ты никогда не закрываешь крышку до конца. Этот хлорсодержащий порошок летуч. А аммиачное средство у тебя в стеклянной бутылке. Одно неосторожное движение — и ты устроишь здесь облако токсичного газа.

— О господи… Пожалуйста, не трогай больше мою бытовую химию, хорошо? Я как-нибудь рискну здоровьем ради облака хлора. Боже… Погоди. Это что, дым?

Я резко обернулась и увидела, как первые языки пламени весело облизывают вытяжку над плитой. Огонь вспыхнул с характерным, пугающим шуршанием — точь-в-точь как в голливудских фильмах-катастрофах. В секунду меня обдало жаром, и я замерла, парализованная глупым страхом.

— Черт! Э-э… Нужна сода, верно? — Сода была в холодильнике. Холодильник стоял по другую сторону плиты, прямо за стеной огня. Значит, оставалась кладовка, там точно была старая пачка. Я резко дернула дверь крошечного чулана, едва не сбив Ивана локтем.

Но он даже не заметил моего маневра. Словно не замечая жара, Иван шагнул к плите и четким, выверенным движением выключил конфорку.

В его действиях не было ни грамма паники — только холодный расчет. Не теряя ни секунды, он распахнул нижний ящик, с первого раза выудил нужную чугунную крышку и с оглушительным звоном накрыл горящую сковороду, одновременно сдвигая ее на холодную часть плиты.

И всё. Огонь погас, отрезанный от кислорода. Лишь струйки едкого серого дыма, пробивающиеся из-под дребезжащей крышки, напоминали о том, что еще секунду назад моя кухня едва не превратилась в пепелище.

Дым и тихое, сквозь зубы, но чрезвычайно выразительное ругательство Ивана. Он стоял у раковины, подставив покрасневшее запястье под струю ледяной воды.

— Черт, черт, черт, — бормотал он, слегка переминаясь с ноги на ногу.

— О боже мой! — вскрикнула я, мгновенно позабыв про соду и бросаясь к своему обгоревшему спасителю. — Насколько всё плохо? Что принести?

Он выставил свободную руку вперед, останавливая меня.

— Ничего не надо. Всё нормально, правда. Максимум — ожог первой степени. Ты сама-то как? Цела?

— У тебя там, кажется, волдырь вздувается.

Я указала пальцем на поврежденную кожу. Иван посмотрел на свою руку с таким видом, будто она принадлежала кому-то другому. Причем кому-то, кто его сейчас сильно раздражал.

— Всё в порядке, — повторил он уже менее уверенно. — Камила, ты не пострадала?

— Нет, просто испугалась. Я сейчас принесу аптечку. — Я с облегчением вспомнила, что у меня есть противоожоговый спрей в ванной, на верхней полке шкафа. Прямо там, где ему и положено быть.

— И захвати салфетку, — посоветовал он мне вслед.

Только зайдя в ванную, я поняла, что по моим щекам вовсю текут слезы. От дыма, конечно же. Исключительно от едкого дыма.

Довольно быстро выяснилось, что домашняя аптечка тут не поможет. В итоге я усадила Ивана в машину и повезла в приемное отделение нашей городской больницы, где мы честно отсидели три часа в очереди, пока дежурный врач наконец не обработал ожог.

Потом я привезла его обратно, уложила на диван в его квартире и принялась готовить ужин, пока таблетки анальгетика начинали действовать.

Иван не отпустил ни одной язвительной шуточки по поводу моих кулинарных талантов и пожарной безопасности — по крайней мере, в тот вечер.

Я тоже великодушно промолчала о том, что если бы кое-кто не переставил мой чистящий порошок, я бы не отвлеклась от несчастной сковороды.

Это был удивительно уютный ужин.

Куриные отбивные, рассыпчатый рис и кабачки. Возможно, дело было в сильных лекарствах, которые заставили Ивана немного замедлиться и наконец почувствовать вкус еды, но он выглядел искренне довольным.

Я никогда не видела его даже слегка нетрезвым, поэтому наблюдать, как этот вечно собранный человек теряет контроль под действием обезболивающих, было невероятно увлекательно.

Передо мной сидел совсем другой Иван — мягкий, тихий и уязвимый. Иван, который сказал, что мои отбивные — это лучшее, что он ел в жизни, и робко спросил, не останусь ли я посмотреть с ним «Доктора Кто». Я осталась. Он заснул ровно на пятой минуте серии.

А я сидела рядом и всё думала о том Иване, который несколько часов назад хладнокровно ворвался на мою кухню и предотвратил катастрофу. Он терпеть не мог, когда нарушалась его рутина, но в экстренной ситуации на него можно было положиться на все сто процентов. И в больнице он держался на удивление мужественно.

Мой замкнутый, нелепый сосед-гик на моих глазах превратился в сильного, надежного мужчину. Это было потрясающее, оглушительное открытие.

И то, что из-за аномальной жары всю предыдущую неделю Иван бегал по утрам без футболки, демонстрируя рельефный пресс, разумеется, никак не повлияло на мое новое восприятие. Абсолютно никак.

Даже если я и осознала, что этот парень — мое личное тайное сокровище, именно его тихое, неброское мужество заставило меня взглянуть на него совершенно другими глазами.

Глава 2

Главная проблема заключалась в том, что Иван, кажется, вообще не воспринимал меня как женщину. Тем более — как свободную, привлекательную женщину, которая им интересуется.

Он относился ко мне точно так же, как ко всем остальным: предъявлял жесткие требования, ожидал клинической точности во всем и практически полностью игнорировал правила элементарной вежливости.

В чем-то он бывал потрясающе терпелив — например, когда объяснял студентам сложную тему в лаборатории или учил кого-то кодить.

Но в остальном его нетерпение переходило все границы: его буквально трясло, если компания друзей не могла быстро решить, в какой ресторан поехать, и просто сесть наконец в чертову машину.

А еще он органически не умел принимать критику, даже самую конструктивную.

Поэтому, когда он впервые озвучил свое предложение, я, мягко говоря, растерялась.

— Мне нужно, чтобы ты помогла мне социализироваться.

— Чего-чего?

Он недовольно поморщился, явно не одобряя разговорный тон.

— Социализироваться. Сделай меня… более приспособленным к обществу. Мне нужно, чтобы ты показала мне, как это работает.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. С момента того памятного пожара прошел почти год. Мы мирно копались в нашем общем палисаднике между таунхаусами.

Я пыталась реанимировать свои розы, а Иван возился с кустами помидоров. Были выходные, примерно половина десятого утра — единственное время, когда, согласно внутреннему кодексу Ивана, разрешалось заниматься садоводством.

— Пожалуй, мне нужно чуть больше вводных данных, — я с силой вогнала лопатку в сухую землю рядом с очередным погибшим салатом и выдернула сухой корень.

Иван шумно вздохнул и вылил остатки воды из мерного стакана под куст томата, который рос… вверх тормашками на специальной деревянной конструкции, которую он сам же и сколотил.

Все четыре его куста были посажены разными экспериментальными способами — он проводил какое-то исследование. Но как бы безумно это ни выглядело, помидоры у него росли просто неприлично здоровыми и крепкими.

— Мне предстоит пойти на благотворительный вечер. Там будут авторитетные специалисты из моей области и, что гораздо важнее, крупные потенциальные спонсоры. Мне нужно общаться с ними так, чтобы они захотели выделить университету солидный грант на исследования. Ну, то есть на исследования нашей кафедры, — тут же поправился он. — Хотя моя личная мотивация, разумеется, абсолютно эгоистична: меня волнует только финансирование моего собственного проекта лазерных двигателей.

— Та-а-ак… — я замялась, выкапывая очередной сорняк. — Для начала, наверное, не стоит говорить вслух то, что ты только что сказал. Про эгоистичную мотивацию. Просто дружеский совет.

Он снова нахмурился. Ему было двадцать девять — всего на год больше, чем мне, — но между его бровей уже пролегла глубокая вертикальная складка. Своеобразный восклицательный знак, завершающий его вечно недовольный взгляд.

— Но ведь это правда.

— Но это звучит не слишком красиво. К тому же ты сам признаешь, что это эгоистично.

— Ложь во спасение — это всё равно ложь. Я никогда не пойму, зачем люди это делают. — Он бросил взгляд на свои спортивные часы. Время вышло. Сейчас он должен был зайти в дом, съесть высокобелковый перекус и ровно на два часа пятнадцать минут погрузиться в компьютерную игру.

Мы стремительно уходили от темы.

— То есть тебе нужны уроки светского этикета для благотворительного вечера?

Иван склонил голову набок, подумал секунду и кивнул.

— Да. В общих чертах — именно так.

Это был шанс проводить с ним кучу времени. Мой внутренний мазохист ликующе затрепетал. Этот парень заводил меня одним своим видом, и его просьба давала мне идеальную возможность наконец привлечь его внимание.

С другой стороны, мне предстояло давать ему указания и критиковать его в той области, где он чувствовал себя хуже всего. Я не была уверена, что мой мазохизм простирается так далеко.

Иван потянул за край футболки и вытер пот со лба, на секунду обнажив безупречный, рельефный пресс. Его серые шорты сидели низко на бедрах, подчеркивая красивую линию таза. Чуть ниже пупка темная дорожка волос уходила вниз, скрываясь под резинкой…

— Так ты поможешь? — его глухой голос из-под ткани вернул меня в реальность.

— Что?

Он опустил футболку, безжалостно обрывая сеанс гипноза.

— Поможешь? Научишь меня… как там это делается?

— А, да. Когда это мероприятие?

— Через три недели. Прямо перед началом семестра.

Три недели. С этим можно работать. Наверное.

— С одним условием: у меня будет карт-бланш. И ты обещаешь не злиться, когда я буду заставлять тебя делать вещи, которые покажутся тебе глупыми.

Глупо было верить, что он сможет сдержать такое обещание. Но при всех своих острых углах Иван всё еще оставался моим личным героем. Героем, который выращивал помидоры вверх ногами, тушил пожары и бегал по утрам полуобнаженным. А это способно ослепить любую девушку.

Он пообещал держать себя в руках, а я пообещала начать наши ежедневные тренировки по светскому выживанию прямо сегодня вечером.

— И еще: можно мне взять пару твоих помидоров? В качестве аванса. — Я решила, что попытка не пытка. Томаты выглядели чертовски аппетитно, даже те, что еще не совсем дозрели. А я безумно любила жареные зеленые помидоры.

— Забирай хоть все. Только записывай, сколько штук взяла и с какого именно куста. Я их всё равно не ем, терпеть не могу помидоры.

Я удивленно моргнула, глядя на четыре роскошных куста, усыпанных сочными, тяжелыми плодами, под весом которых гнулись зеленые ветки. Тут хватило бы на ведра соуса, на салаты, брускетту и домашнюю сальсу с кинзой и чесноком, которые мне каким-то чудом удалось вырастить на своем подоконнике.

— Но зачем тогда…

— Это просто эксперимент.

Пункт «не перебивать собеседника» нужно будет внести в список правил самым первым.

— Хорошо. Договорились. С тебя — помидоры без ограничений и обещание не психовать, с меня — наука. Начнем сегодня за ужином?

Он протянул мне свою слегка испачканную в земле руку.

— По рукам.

Я вложила свою, еще более грязную ладонь в его широкую ладонь. Мы скрепили сделку рукопожатием и так и застыли на мгновение.

Иван был выше меня почти на голову, солнце светило ему в затылок, так что я не могла разобрать выражение его лица. Но я физически ощущала тепло его сильных пальцев, их уверенную хватку, и от этого простого прикосновения по моей спине пробежала непрошеная, горячая дрожь.

— По рукам.

Глава 3

У моей подруги Альбины была теория насчет Ивана. Точнее, целая серия теорий, которые регулярно обновлялись.

Самая первая звучала лаконично: «Он импотент».

Аля обычно делала такой вывод о любом мужчине, который не пялился на ее декольте при первой встрече. Надо отдать ей должное, выдающимися формами природа ее не обделила, но в данном конкретном случае проблема явно крылась в чем-то другом.

— Может, он просто не фанат большой груди, — предположила я.

— На мою задницу он тоже не смотрит, — парировала Аля.

— Пожалуйста, люби себя чуточку больше. Может, его привлекают глаза? Или чувство юмора? Или у него вообще фут-фетиш, откуда нам знать?

— Ну да, — согласилась она.

— Вот именно.

— Ну хорошо, — протянула Альбина, задумчиво покачивая бокал с вином. Мы сидели перед моим монитором, пока я пыталась составить план занятий. — Тогда у меня другая версия. Он просто сидит на порнухе. Подумай сама, Кама: он всё время проводит за компом. А мы все знаем, чем парни там занимаются большую часть времени. Может, у него реальные девушки уже просто в рамки стандартов не вписываются.

Я попыталась представить Ивана, ищущего порно в сети, и не смогла. Готова была поспорить, что его история браузера дома ничем не отличается от рабочей. За исключением, пожалуй, каких-нибудь форумов с математическим анализом стратегий в сетевых шутерах или чертежей безумных построек в Minecraft.

— Если он и смотрит порно, то строго по расписанию. А в его графике просто нет свободных окон, когда он дома один, а я об этом не знаю. Разве что по ночам, когда я сплю. — Я ответила рассеянно, потому что вовсю изучала статьи по современному этикету, в котором сама понимала не то чтобы очень много. Из-затянувшегося молчания Али я наконец оторвалась от экрана и обнаружила, что подруга пристально на меня смотрит.

— Что?

— Сталкерша.

— Соседка.

Этот спор мы тоже вели не в первый раз.

— Я всё равно не понимаю, что ты в нем нашла, — вздохнула Аля. — Ну да, симпатичный, но чисто теоретически, как экспонат в музее. Он же не человек, он робот. Ты просто вбила себе в голову, что он вылитый мистер Дарси.

Я притворно обиделась. Мало того что Альбина покушалась на мою любимую классику, так она еще и критиковала мое сравнение Ивана с молодым Колином Фёртом.

— Как можно быть «теоретически симпатичным»? И я не считаю его мистером Дарси, Дарси не был ученым. Совершенно разные психотипы. Да и какая разница? Я просто хочу затащить его в постель. Разве для этого нужны какие-то возвышенные причины?

На самом деле я действительно сравнивала Ивана с Дарси. Но только с тем, ранним Дарси — холодным, высокомерным, знающим себе цену и абсолютно уверенным в своем превосходстве. Именно такой типаж заставлял мое сердце биться чаще.

И Иван в своей области тоже был своего рода Дарси: он препарировал человеческую природу с высоты своего интеллекта, искренне недоумевая, почему люди не поддаются логическому анализу.

— Я же одалживала тебе то безумное красное платье на прошлый Новый год, — вспомнила Аля. — Если уж оно не заставило его свернуть шею, у меня кончились идеи. Это же было оружие массового поражения.

— Ну, я в нем не выглядела так уж вызывающе.

Мы с Алей носили один размер, но я была повыше и без ее выдающихся округлостей. На мне платье сидело неплохо и определенно собрало кучу мужских взглядов. К сожалению, ни один из этих взглядов не принадлежал равнодушному доктору Резникову.

— Так что, сегодня у вас типа свидание?

— Поверь, то, что произойдет сегодня, максимально далеко от понятия «свидание».

И надо же, я оказалась абсолютно права.

Если бы это было свидание, оно бы заняло почетное первое место в списке самых провальных встреч в истории человечества. Начать хотя бы с того, как Иван выглядел, когда ровно в семь вечера раздался звонок в дверь.

На нем были те самые шорты, в которых он утром копался в огороде, и сланцы такой степени изношенности, что оставалось загадкой, как они вообще держатся на ногах. Сверху красовалась трикотажная футболка-поло какого-то невообразимого ядовито-бирюзового цвета, протертая не только на воротнике, но и в районе дурацкого логотипа на груди.

Волосы, естественно, причесать он поленился.

Единственным плюсом было то, что этот дикий цвет футболки делал его глаза невероятными, подчеркивая теплые, золотисто-карие искорки в темной глубине зрачков.

Иван нахмурился — ну еще бы. В руке он держал бутылку сухого красного, а я так засмотрелась на его глаза, что даже не сразу это заметила.

— О, спасибо! Проходи.

— Не за что, — бросил Иван, бесцеремонно проходя мимо меня в коридор. — Это вино Эда. Я просто донес его от машины.

И действительно, прямо за спиной Ивана в квартиру протиснулся Эдуард, у которого руки были заняты какими-то кабелями и роутером.

— Иван сказал, вы сегодня будете смотреть «Молодого Франкенштейна»? — жизнерадостно провозгласил Эд, уже устраиваясь на моем диване рядом с Иваном и раскладывая ноутбук на журнальном столике. — Обожаю это кино.

Я закрыла дверь и повернулась к ним, изо всех сил стараясь скрыть раздражение. Мой идеальный план — остаться наедине с Иваном, попивать вино и деликатно учить его человеческому общению — полетел к чертям в ту самую секунду, когда Эд решил «просто заглянуть». Иван перехватил мой вопросительный взгляд и красноречиво закатил глаза.

— И… зачем здесь компьютер? — спросила я, стараясь говорить спокойно.

— Я на работе, — простодушно объяснил Эд, уже распутывая сетевые кабели в поисках ближайшей розетки. — Мне нужно мониторить один процесс.

— Понятно. Тебе нужен мой пароль от Wi-Fi, или твой ловит от твоего дома?

— Мой ловит. Но Иван мне уже дал твой пароль.

Очередной вздох и мученический взгляд мистера Невозмутимость на другом конце дивана.

Урок первый: если тебя приглашают в гости, не притаскивай с собой незапланированного спутника.

Если бы Иван вообще знал, что это такое. Наверняка его воспитали волки. Высокоинтеллектуальные, научно подкованные волки в какой-нибудь секретной лаборатории, заваленной пробирками, схемами и микросхемами, где маленький Иван ползал в подгузнике и собирал модели ракет. И это при том, что я лично знала его родителей — вполне приличных людей.

Соберись, Кама.

Делать было нечего. Эд вел себя так, как привыкли вести себя все ребята в нашем комплексе. Они вместе работали, вместе играли, вместе тусовались, и чужие квартиры воспринимали как продолжение собственных. Мой дом до сегодняшнего вечера тоже был частью этой экосистемы. К тому же, я подозревала, что Иван просто не хотел афишировать настоящую причину своего визита, потому и не выставил Эда за дверь еще на улице.

— Я приготовила лазанью. Кто будет?

Оба синхронно подняли руки. Иван встал, чтобы запустить фильм. Диск я приготовила заранее — он должен был стать частью нашей учебной программы.

— Слушай, — крикнул Эд мне вдогонку, когда я ушла на кухню. — А можно мне бокал под вино? Я сейчас провожу эксперимент — выпиваю ровно по одному бокалу каждый вечер.

Делиться бутылкой он, само собой, не собирался. Потому что тогда, как подробно объяснил Эд, ему придется ехать в винотеку на день раньше, чем запланировано. А она находится совсем не по пути из университета, и вообще, это редкий импортный бренд, которого нет в обычном супермаркете.

Да, вечер начинался просто феерически.

К моменту, когда на экране ожил монстр Франкенштейна, популяция зрителей в моей гостиной увеличилась. К нам заглянул Лёня — еще один научный сотрудник с кафедры Ивана. Он искал Резникова, но в итоге остался смотреть кино. И, разумеется, помог нам уничтожить лазанью.

За весь вечер я не продвинулась в обучении Ивана ни на миллиметр. Он вообще не произнес ни слова, если не считать сухого «спасибо» за ужин. Когда пошли титры, мне показалось, что Иван желал ухода Эда и Лёни даже сильнее, чем я.

Но наши объединенные ментальные флюиды оказались бессильны против непробиваемой толстокожести этих двоих.

Они продолжали сидеть на моем диване, шумно споря о режиссерских приемах Мела Брукса и алкогольном эксперименте Эда, хотя время уверенно близилось к одиннадцати.

Я пыталась вежливо намекать, вздыхать и смотреть на часы — ноль реакции. И в какой-то момент я поймала себя на странном ощущении. Знаете это чувство, когда на вас кто-то пристально смотрит?

Иван наблюдал за мной. Кажется, он и сам этого не осознавал.

Его глаза буквально следовали за каждым моим движением, пока я собирала грязную посуду и всем своим видом демонстрировала: «Ребята, лавочка закрывается».

Возможно, дело было в том, что время перевалило за его привычные лимиты (в это время он обычно уже чистил зубы перед сном), а может, он просто чувствовал себя не в своей тарелке.

Он выглядел немного потерянным, изолированным от общего шума, и его взгляд был направлен на меня так напряженно, словно я была его единственным ориентиром в этом хаосе.

Я мечтала о его внимании месяцами, но теперь, под этим рентгеновским прицелом, жутко смутилась и не знала, куда деть руки.

Впрочем, наваждение быстро рассеялось. Лёня выдал очередную научную глупость, которая заставила Ивана ввязаться в спор, и беседа мгновенно улетела в такие стратосферные выси физики, где я, обычный программист, уже ничего не понимала.

Я поняла только одно: цивилизованные методы бессильны.

Если я не выкину их прямо сейчас, они останутся здесь до утра. Два спорящих физика — это управляемая реакция. Три физика — это бесконечный информационный вихрь, который засасывает время, как черная дыра.

— Так, джентльмены, на сегодня всё. Рада была повидаться, но мне пора спать.

Три головы синхронно повернулись ко мне. Лёня хотя бы выдавил виноватую улыбку. Он вежливо извинился и направился к выходу, Эд засеменил следом. Уже в дверях Эд не забыл вручить Ивану пустую бутылку из-под вина, чтобы тот донес ее до мусорки.

Но вечер всё же нельзя было назвать окончательно испорченным. Иван придержал дверь и, к моему полнейшему изумлению, улыбнулся. Это была робкая, немного кривая улыбка, но я мысленно поставила жирный плюс. Он улыбался так редко, что это событие можно было приравнять к цветению редкого кактуса.

— Прости.

Кажется, я впервые в жизни услышала от него извинение.

— Всё нормально. Лазаньи хватило на всех. Кстати, салат с твоими помидорами был просто супер. Можешь поверить мне на слово.

Сам он к помидорам, естественно, даже не прикоснулся.

— Значит, урок на сегодня… мне нужно было больше врать?

— Кому, Эду? — Я задумалась на секунду. — Нет, не врать. Я бы назвала это по-другому. Бывают ситуации, когда собеседнику совершенно не обязательно знать всю информацию, которой ты владеешь. Это даже не ложь во спасение. Это просто не его дело. Некоторые вещи стоит держать при себе.

— Например, то, что меня волнует только финансирование моего собственного проекта?

— Именно.

Он снова улыбнулся. И тут я заметила, что на его правой щеке при улыбке появляется едва заметная ямочка. Чертовски мило.

Иван прислонился плечом к дверному косяку, словно не спешил уходить. В открытую дверь проникал душный южный воздух, а вместе с ним — сочинские комары. Мне было плевать.

— Если бы я сразу сказал Эду правду — зачем я к тебе иду и что не хочу видеть его в твоем доме, — это было бы эффективнее, — заметил он.

— Но тогда бы он узнал то, что ты хотел скрыть. И зная Эда, он бы издевался над тобой до конца семестра. А еще он мог подумать, что ты врешь просто для того, чтобы избавиться от него.

— Зачем мне это делать?

Мне захотелось стукнуться лбом о косяк. Иван либо действительно был абсолютно непрошибаем в своей наивности, либо просто не испытывал ни малейшего желания оставаться наедине с влюбленной соседкой.

— Чтобы съесть всю лазанью самому, конечно же.

— Логично. Тогда завтра в то же время?

— Давай чуть раньше, — предложила я. — И поедем ужинать куда-нибудь, где наши коллеги точно не появляются. Иначе мы никогда ничего не закончим.

Иван ответил медленно, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не искать в его словах скрытый подтекст, которого там, скорее всего, не было:

— Я бы не сказал, что сегодня мы ничего не закончили. Совсем не сказал бы.

Он снова посмотрел на меня тем самым пристальным, сканирующим взглядом, от которого внизу живота сладко потянуло теплом. А затем развернулся и ушел в душную, темную южную ночь.

Глава 4

На следующий день на работе было жарко и внутри, и снаружи. И хотя на улице температура спала до вполне терпимых тридцати двух, старый кондиционер в нашем отреставрированном столетнем здании кафедры антропологии приказал долго жить еще в выходные.

В комнатах стояла удушливая, пахнущая сыростью духота. Мы приоткрыли окна, но это не помогало — редкие порывы ветра лишь поднимали со стола аккуратные стопки бумаг, которые я только что разложила.

При такой влажности навести порядок на столе — тот еще квест. Листы бумаги намертво липли к рукам и друг к другу вместо того, чтобы ровно складываться в папки. Всё казалось влажным: и степлер, и деревянная поверхность стола.

Я буквально взмокла. В районе десяти утра я выключила компьютер, потому что температура в кабинете перевалила за тридцать.

Когда моя начальница, Агата Спиридонова, наконец махнула рукой и велела всем расходиться по домам, у меня даже не хватило сил обрадоваться. Мы вяло пробормотали слова благодарности и очистили здание за рекордные две минуты.

Было всего половина двенадцатого, а я еще даже не обедала. Повинуясь внезапному порыву, я заехала за бургерами и направилась прямиком в физический корпус ФНТУ «Орион».

Ну, ладно, это был не совсем внезапный порыв.

В их лабораториях кондиционеры работали на полную мощность круглый год, и мысль о ледяном арктическом воздухе казалась мне в тот момент пределом мечтаний.

Мама Ивана периодически звонила мне, когда ее тревога за сына выходила из-под контроля. Эта практика началась примерно через полгода после моего переезда, когда его родители приезжали в гости.

Как ближайшая соседка, хорошая знакомая и — цитирую — «единственный относительно адекватный человек в его окружении», я идеально подошла на роль доверенного лица.

Ну и гендерный фактор сыграл свою роль, чего уж там.

Ее беспокойство не было беспочвенным.

Увлекшись работой, Иван начисто забывал о еде. Он мог довести себя до полуобморочного состояния от голода и обезвоживания, прежде чем осознавал проблему.

Я любила кормить людей, а госпожа Резникова в благодарность за присмотр привозила мне деликатесы: гигантские греческие оливки, подкопченные мидии, дорогой органический шоколад с запредельным процентом какао.

А еще она рассказывала мне такие подробности из детства Ивана, о которых он сам наверняка предпочел бы умолчать. Он был потрясающе умным, но совершенно неадаптированным ребенком, и мать до сих пор видела в нем того маленького мальчика.

И, надо признать, в чем-то она была права.

Интересно, была бы она так же щедра на откровения, если бы узнала, какие именно планы я строю на ее хрупкого, неприспособленного мальчика?

Моя бурная фантазия на фоне двухлетнего воздержания рисовала такие картины, для которых у меня даже названий подходящих не находилось.

Мать звонила мне этим утром, и я с чистой совестью отчиталась, что за последние сутки Иван съел как минимум одну порцию лазаньи и даже немного салата (без помидоров, разумеется).

Первым делом, войдя в лабораторию, я честно призналась Ивану в этом разговоре. Я была готова шпионить за его рационом по просьбе его мамы, но делать это за его спиной категорически отказывалась.

Ивана, впрочем, звонки матери совершенно не задевали. Я бы на его месте уже рвала и метала, а он воспринимал это как неизбежную часть ее родительского стиля.

— Она просто до сих пор помнит случай, когда меня госпитализировали с обезвоживанием и истощением прямо перед краевой научной олимпиадой. С тех пор она паникует каждый раз, когда думает, что я слишком много работаю.

— И когда это было?

— Двадцать один год назад.

— Погоди… Тебе было восемь? И она до сих пор проверяет тебя из-за этого?

Он кивнул и снова уткнулся в монитор с таким видом, будто там был записан секрет мироздания.

Очевидно, яблоко от яблони упало недалеко. Впрочем, все мысли о его семейной наследственности мгновенно улетучились, уступив место утреннему образу Ивана — мокрого от пота, бегущего без футболки по нашей улице.

Эти воспоминания напрочь отключали мой рациональный мозг, превращая меня в заботливую наседку.

В общем, я принесла ему обед (который он, естественно, благополучно пропустил) и сидела рядом, пока он ел.

Он продолжал работать, лениво пережевывая бургер, и я не уверена, что он вообще почувствовал вкус еды. Да и в том, что он замечает мое присутствие, я тоже сомневалась.

Ну, то есть физически он, конечно, понимал, что я сижу рядом. Он знал, что я живой человек, знал всё о моей физиологии и помнил, что я живу в соседней квартире.

Он вообще регулярно напоминал мне об этом соседстве, утверждая, что мои шаги на втором этаже звучат необъяснимо громко для «взрослой особи человека моего веса».

Он так и говорил: «взрослая особь человека». Иногда мне казалось, что сам себя он к человеческому виду не причисляет. И господь свидетель, временами я была с ним согласна.

Он был похож на чертовски привлекательного, невероятно умного пришельца.

Главное, чтобы этот пришелец не оказался импотентом или заядлым любителем виртуальных утех, равнодушным к реальным девушкам.

У него были такие красивые руки.

То, как он печатал — молниеносно, не глядя на клавиатуру, — казалось мне безумно сексуальным.

Или, может, дело было в закатаных рукавах его рубашки, обнажавших сильные предплечья, которые, как я теперь знала, переходили в крепкие бицепсы и отличные плечи.

Летом я привыкла видеть его исключительно в растянутых футболках и шортах, а эта строгая рубашка делала его взрослым. Взрослым мужчиной с руками, которые явно умели обращаться не только с клавиатурой…

— Я подумал, мы могли бы поехать в «Аббатство» на Красной Поляне.

— А?

Я с трудом оторвала взгляд от его рук и посмотрела на его профиль. Мне показалось, или на его губах промелькнула тень усмешки? Но он ведь даже не смотрел в мою сторону, не мог же он заметить, как я на него пялюсь?

— «Аббатство». Ресторан в горах.

— А! Ну… хорошо. Но там же безумно дорого?

— Я плачу. Это меньшее, что я могу сделать в качестве компенсации за испорченный вчерашний вечер и за то, что ты принесла мне обед. К тому же я абсолютно уверен, что в понедельник вечером мы не встретим там ни одного знакомого.

Там вообще в любой день сложно было встретить кого-то из наших. Разве что Денис с Юлей могли выбраться туда на какую-нибудь круглую годовщину, но на этом всё.

— Отлично. Ну, я пойду. — Мне срочно нужно было решить, что, черт возьми, надеть.

— Заеду за тобой в шесть. Столик заказан на полседьмого.

Он так и не повернул головы от монитора. И я была ему за это искренне благодарна. По крайней мере, он не видел, как я стою посреди лаборатории с открытым ртом, как последняя дура.

И моего ухода он, кажется, тоже не заметил, снова полностью погрузившись в свой теоретический мир, где его мозг проводил большую часть времени.

Глава 5

Не то чтобы я принципиально избегала свиданий. Напротив, я бы с радостью на них ходила.

Но до переезда в этот комплекс я четыре года прожила с бывшим парнем. Мы расстались, когда я выяснила, что его «командировки в Краснодар» на самом деле были банальными визитами к любовнице, козлина эдакий.

К сожалению, при разделе имущества почти все общие друзья достались ему. Мне досталась большая часть книг, так что я всё равно считала себя победительницей в этой дуэли.

Но это объясняло, почему два года спустя я опустилась до сложных стратегических планов, чтобы затащить в постель соседа. Буквально ближайшего ко мне мужчину.

Мой круг общения за пределами университета стремился к нулю.

Из старых друзей осталась только Аля, и мне крупно повезло, что мой новый дом оказался заселен фанатами научной фантастики и настолок, иначе я бы совсем загнулась от одиночества.

Из всей этой компании Иван был единственным, кто интересовал меня в физическом плане.

Иногда я задавалась вопросом: может, мои стандарты просто снизились из-за затянувшегося воздержания?

В конце концов, при первой встрече он мне совсем не понравился. Я считала его раздражающим, негибким и жутко тяжелым в общении.

Забавно: я помнила, что чувствовала это, но уже не могла вспомнить, когда именно мне стало легко с ним разговаривать. Хотя раздражающим и упрямым он, конечно, оставался до сих пор.

— И когда всё изменилось? — спросила я вслух.

— Что изменилось? — глухо донеслось из недр моего платяного шкафа.

Это была Аля. Было пять вечера, и она твердо вознамерилась меня одеть. Она примчалась ко мне прямо с работы, проигнорировав мои заверения, что я как-то справлялась с этой задачей последние двадцать с лишним лет.

— Нашла что-нибудь? — спросила я.

— Возможно. Так что изменилось?

— Да ничего, глупости. Я просто подумала о том, что раньше мне было жутко трудно разговаривать с Иваном. Потому что он… ну, ты понимаешь.

— На грани аутизма?

— …не слишком хорош с людьми.

Аля победоносно вынырнула из шкафа, держа в руках вешалку с шелковым платьем глубокого темно-синего цвета.

— Ага! И, возможно, всё изменилось в тот момент, когда он пригласил тебя в один из самых дорогих ресторанов города?

— Это совсем не то, о чем ты думаешь.

— Рассказывай сказки. Для него, может, и не то. Но для тебя — очень даже то. Хотя, раз он сам тебя пригласил, возможно, я действительно ошибалась на его счет всё это время.

— Это не свидание, — упрямо напомнила я. — Он просто хочет, чтобы нам никто не мешал. Для него это важно.

— Ну-ну. Почему я раньше на тебе этого не видела? Оно же потрясающее. — Аля приложила платье к себе, оценивая силуэт в зеркале на двери шкафа.

Это платье я купила пару лет назад на распродаже, но у меня никогда не хватало смелости — или подходящего белья — чтобы его надеть. На нем до сих пор висели бирки.

— Под него невозможно надеть бюстгальтер. — У платья была открытая спина с бретелью-петлей через шею и довольно глубокий вырез спереди, который предполагал наличие хотя бы намека на декольте. У меня с декольте дела обстояли скромно, и обычно я предпочитала это не афишировать.

— Примерь.

После пятнадцати лет дружбы я знала, что спорить бесполезно. Я начала стягивать домашнюю одежду.

Через пару минут, глядя на себя в зеркало, я вынуждена была согласиться с Алей. Платье сидело идеально.

Оно делало мои светло-русые волосы визуально светлее, темно-серые глаза казались почти синими, и оно выигрышно подчеркивало остатки сочинского загара.

Аля заставила меня обуть серебристые босоножки на тонких ремешках, которые остались у меня после роли подружки невесты на свадьбе кузины, и теперь критически разглядывала мои пальцы на ногах.

— Сделать педикюр мы уже не успеем. Жаль.

— Ивану плевать, как выглядят мои ноги.

— Мы этого не знаем. Ты сама говорила про возможный фут-фетиш. Придется быстро покрыть ногти лаком. И никакого перламутра с блестками, умоляю.

— А как быть с лифом? — Я стояла перед ней абсолютно без белья. И какими бы скромными ни были мои объемы, выходить в свет в таком виде казалось мне верхом неприличия. У меня всё-таки были какие-то рамки.

— Серьезно? Там такой плотный шелк со сборками впереди, никто ничего не заметит. У тебя соски железные, что ли?

— У меня грудь голая.

Аля закатила глаза с видом глубочайшего разочарования.

— Кама, ты хочешь сегодня переспать с ним или нет?

Я хотела. Безумно хотела.

В итоге, после душа, эпиляции, тонны увлажняющего лосьона и дезодоранта, я сдалась на милость Али.

Она колдовала над моими волосами, пока они не превратились в идеально прямые, но с легкой, модной небрежностью пряди.

Затем она накрасила мои ногти на ногах темно-красным лаком, клятвенно пообещав, что в синем шелке и серебряных босоножках я не буду выглядеть как вульгарный триколор.

Она даже наложила мне макияж — вещь, которую я искренне презирала, потому что всегда забывала смыть его на ночь и наутро просыпалась похожей на похмельного клоуна-енота.

— Ты уверена, что я не похожа на элитную жрицу любви?

Было почти шесть. Иван всегда отличался патологической пунктуальностью, так что его стук в дверь мог раздаться в любую секунду. Время поджимало.

— Если и похожа, то на очень дорогую. А это комплимент, — отрезала Аля. — Ресторан приличный. Было бы хуже, если бы ты пошла туда в виде дешевой профурсетки.

— Я вообще не хочу выглядеть как профурсетка. И это не свидание, — повторила я, понимая, что если Алю мне обмануть и удалось, то себя — уже точно нет. — Это урок практической социальной антропологии.

Глава 6

— В чем заключалась мораль вчерашней истории?

— Что, прости?

Он снова сделал это — огорошил меня внезапным вопросом после нескольких минут напряженного молчания в машине.

И почему мне казалось, что общаться с Иваном стало проще?

Мы поднимались по извилистому горному шоссе в сторону Красной Поляны, и я вовсю наслаждалась скоростью и прохладой в салоне его гибридного хэтчбека.

— «Молодой Франкенштейн». Ты планировала обсудить что-то, связанное с социальным взаимодействием, и этот фильм должен был послужить иллюстрацией к твоему первому уроку.

— Ах, это… Ну да. Я хотела поговорить о контексте и ожиданиях. О том, что определенное поведение и даже манера речи абсолютно уместны в одной обстановке, но совершенно недопустимы в другой.

— В этой аналогии чудовище — это я?

Мне показалось, или в уголке его рта притаилась мимолетная усмешка? Наверняка показалось.

— Неважно. Вот вспомни сцену с музыкальным номером, где доктор пытается доказать почтенной публике, что его монстр вполне цивилизован. Как думаешь, почему это выглядит смешно?

Он задумался на секунду, профессионально лавируя между редкими машинами.

— Не потому, что монстр поет и танцует. Это забавно само по себе, но главный комический эффект в том, что для доктора проблема не в самом монстре, который панически боится огня. А в том, что этот монстр лажает и портит ему весь номер.

Надо признать, соображал этот парень молниеносно.

— И какой вывод должен сделать наш «монстр», если продолжить аналогию?

Теперь он улыбнулся уже совершенно отчетливо.

— Что доктор Франкенштейн — редкий зануда?

Я весело рассмеялась.

— Ну, в общем, да. Но суть в другом: тебе вовсе не обязательно быть выдающимся певцом или танцором. Твое выступление объективно может быть посредственным. Всё, что от тебя требуется — на короткое время обуздать свой иррациональный страх перед огнем. Если бы монстр справился с этим, если бы его заранее предупредили и подготовили, публика осталась бы в полном восторге, а доктор сорвал бы овации.

В этот момент мы как раз заехали на парковку ресторана. Швейцар услужливо распахнул мою дверь, так что к прерванному разговору мы вернулись лишь через несколько минут, когда хостес проводила нас к столику и мы углубились в изучение меню.

Мои мысли уже были заняты выбором между каре ягненка и форелью, когда Иван снова заговорил:

— То есть уровень моих социальных навыков может быть минимальным, главное — не впадать в панику, когда кто-то рядом достает зажигалку? Я правильно тебя понял?

— Напомни мне сегодня же перейти ко второму уроку, — я стрельнула в него взглядом поверх кожаной папки меню, но Иван целеустремленно изучал винную карту и не поднял глаз. — Под «огнем» я имею в виду саму вечеринку. И подозреваю, что ты это прекрасно понимаешь.

Он недовольно поджал губы.

— Терпеть не могу метафоры. Они нерациональны.

— Но ты ведь уловил суть, верно? Ты же не глупый.

— Конечно уловил, я же не идиот. Я прекрасно понимаю смысл метафор. Но почему нельзя просто сказать прямо то, что ты имеешь в виду?

Было очевидно, что этот вопрос мучает его годами. Я невольно посочувствовала его школьным учителям литературы.

— Потому что в данном случае «прямо» звучит так: тебя пугает сама идея этого приема. Необходимость разговаривать с незнакомцами, притворяться, что тебе безумно интересно их слушать, пытаться вызвать у них симпатию. Это то, что дается тебе тяжелее всего. Но согласись, тебе тоже нужно поработать над собой и перестать раздражаться всякий раз, когда люди выражают свои мысли не в виде математических формул.

— Я не раздражался. Я лишь пытался указать на то, что говорить вещи, которые ты не имеешь в виду — неэффективно. Это нарушает саму суть коммуникации.

Появившийся официант принял наш заказ с той безупречной, отрепетированной легкостью, которая нарабатывается годами в заведениях подобного уровня.

Всё здесь дышало благородным спокойствием.

В архитектуре «Аббатства» угадывались черты старинного готического собора: массивные каменные стены, высокие стрельчатые окна, теряющиеся в темноте потолочные своды.

Мягкий полумрак, разгоняемый лишь теплым сиянием свечей на столах, делал интерьер невероятно интимным и романтичным. Идеальное место для свидания моей мечты. Если бы только это действительно было свиданием.

— Прости.

Иван выглядел слегка смущенным, хотя упрямая складка между бровей никуда не делась. Я сделала глоток терпкого каберне, пытаясь сообразить, как лучше ответить.

— Я пришел в приличный ресторан с красивой женщиной, — ровным голосом продолжил он. — Минимальные правила приличия требуют, чтобы я не занудствовал. И демонстрировал хорошие манеры за столом.

Я едва не поперхнулась вином от неожиданности. Кое-как справившись с кашлем и промокнув губы салфеткой, я кивнула:

— Что ж, это действительно необходимый минимум. Хотя твоя реплика про «красивую женщину» — отличный ход. Я думала, мне придется выбивать из тебя комплименты как минимум до конца первой недели обучения.

— Это не комплимент, — Иван искренне удивился моей реакции. И, кажется, снова начал слегка раздражаться. — Я просто констатировал очевидный контекст.

— Неважно, — поспешно перебила я, пока он не пустился в научные объяснения. — Это было очень мило с твоей стороны. Спасибо. Твои извинения приняты.

— Это было мило?

Он приподнял одну бровь и снова одарил меня тем самым невыносимо пристальным взглядом, слегка подавшись вперед и опершись локтями о стол.

В неверном свете свечи его глаза казались почти черными, а на губах играла едва заметная улыбка.

Я вдруг остро посочувствовала его монитору, которому приходится терпеть этот сосредоточенный натиск изо дня в день.

Это определенно был прогресс.

Обычно я немного ревновала Ивана к его работе, потому что компьютеру доставалось всё его внимание. Но сейчас я чувствовала себя сложнейшей задачей, которую он твердо вознамерился решить.

— Ты прекрасно знаешь, что да, — мои ладони внезапно стали влажными, и я осторожно вытерла их о бедра, надеясь, что не испорчу тонкий шелк платья. — Так вот, возвращаясь к фильму…

— Что еще мне нужно сделать, чтобы казаться «милым»? Меня никогда в этом не обвиняли, так что мне чисто по-человечески любопытно. Может, я делаю это неосознанно и даже не замечаю?

Мне безумно хотелось верить, что он со мной флиртует. Но несмотря на всю романтику готического зала, я вовремя приказала себе спуститься на землю.

Он делал это неосознанно, как сам только что сказал. Если я сейчас начну подыгрывать, то лишь запутаю и напугаю его.

— Это идеальный переход к нашему третьему уроку: никогда не перебивай собеседника на полуслове. Люди считывают это как проявление скрытой агрессии. Если ты будешь перебивать спонсоров, — пояснила я, — они просто не дадут тебе денег.

— Мне нужно извиниться еще раз?

— Да. С тобой, Иван, прямота — действительно лучший инструмент. Никаких намеков и недомолвок, только четкие факты.

Интересно, как бы это прозвучало, если бы я высказала ему всё прямо сейчас?

«Знаешь, Иван, ты порой бываешь невыносимым занудой, но именно это твое занудство почему-то заводит меня до дрожи в коленях. Давай поедем к тебе и переспим?»

Нет, пожалуй, к такой прямоте наш ракетостроитель точно не готов. Да и я тоже.

— Прости, что перебил тебя.

Иван откинулся на спинку стула, держа в руке бокал с вином. В этой расслабленной позе, с его ростом и безупречной осанкой, он был похож на голливудского актера старой школы. Или это просто мое воображение окончательно вышло из-под контроля?

— Ты пропустила второй урок.

Он сделал глоток, не сводя с меня глаз. Я судорожно схватила свой бокал, чтобы сделать приличный глоток для храбрости, прежде чем продолжить:

— Твой второй урок касается переходов в разговоре. У тебя есть привычка нарушать затянувшееся молчание, внезапно вываливая на собеседника середину какой-то своей мысли. Это пугает. Людям требуется время, чтобы понять, о чем вообще идет речь, и это создает жуткую неловкость.

Его волевая челюсть упрямо сжалась, а пальцы опасно напряглись на тонкой ножке бокала. Мне искренне хотелось преподнести это мягче, но деликатные намеки Иван просто игнорировал.

Только факты. Только хардкор.

— Тебе нужен четкий алгоритм. Своеобразный речевой шаблон, который ты сможешь использовать, чтобы плавно возвращать людей в русло беседы.

— Скрипт?

Это слово заставило меня улыбнуться.

— Ну, я пишу немного другие скрипты, но да, пусть будет скрипт. Не для всей жизни, конечно, а конкретно для этого вечера. Несколько дежурных фраз. Например, можно деликатно кашлянуть и сказать: «Кстати, помните, мы чуть ранее обсуждали то-то и то-то?» Или: «Я тут подумал над вашими словами…» Это даст людям возможность настроиться на твою волну.

— Мама твердила мне это всё детство.

М-да. Это определенно было самое неромантичное свидание в моей жизни.

— Ну, твоя мама — умная женщина. Тебе следовало ее слушать.

— Но она никогда не объясняла мне почему. У тебя это получается лучше. Она всегда говорила просто так надо. Меня это жутко бесило.

В глубине души я подозревала, что его мама и сама толком не знала причин. Она просто усвоила эти правила на практике и пыталась вбить их в голову своему гениальному, но упрямому сыну.

Я прекрасно понимала Ивана.

В университете антропология привлекла меня именно возможностью препарировать человеческое поведение, раскладывая его на понятные составляющие. Знание скрытых механизмов общения дарило чувство контроля и безопасности.

Еда была божественной, и беседа постепенно наладилась.

Мы отлично ладили, когда говорили о фильмах, книгах или компьютерных играх, но стоило нам вернуться к теме человеческих взаимоотношений, как мы снова начинали буксовать.

Но затем, уже на выходе из ресторана, Иван вдруг положил ладонь на мою поясницу. И это не было случайным, мимолетным касанием — он уверенно прижал ладонь к изгибу моей спины, словно это было самое естественное место для его руки.

А потом… боже, потом он медленно провел пальцами по тонкому шелку платья, очерчивая контур моего позвоночника.

По моим ногам и спине прокатилась такая мощная волна электрического разряда, что у меня буквально потемнело в глазах.

В этот момент я впервые в жизни физически осознала значение слова свунинг — это было сладкое, обморочное бессилие, лишающее возможности дышать.

Мне готово было показаться, что его рука дрогнула и он убирал ее с явным нежеланием. Официант помог мне сесть в машину, Иван обошел ее, сел за руль, и мы не произнесли ни слова, пока его хэтчбек не затормозил у наших таунхаусов.

— Я провожу тебя до… погоди. Нет, — он поднял руку, делая пальцем забавный жест, имитирующий перемотку назад. — Перемотка. Итак, я тут подумал…

Он выжидающе посмотрел на меня, сияя как мальчишка, успешно сдавший сложный зачет. Я не выдержала и улыбнулась в ответ, показав ему большой палец. Иван с гордым видом продолжил:

— Я провожу тебя до двери.

— Отличная работа, профессор. Быстро учишься. — Я потянулась к ручке двери, но он остановил меня легким жестом.

— Нет, стой. Я должен открыть тебе дверь. Мама бы мне голову оторвала за такое. Это правило я помню железно.

Сдерживая смех, я послушно подождала, пока он обойдет машину и распахнет мою дверь. Он протянул мне руку, помогая выбраться, и мое сердце снова предательски екнуло от этого короткого прикосновения.

Ночь в Сириусе была удушливой и влажной, как всегда в июле. Но этот плотный субтропический воздух казался сладким из-за цветущих роз в палисаднике и тонкого аромата ночного жасмина.

Стрекотание цикад заглушало далекий гул машин с трассы. Наша короткая прогулка до двери была такой тихой, теплой и обнадеживающе похожей на настоящее свидание, что мне стоило огромных усилий скрыть разочарование, когда Иван просто пожелал мне спокойной ночи, как только я повернула ключ в замке и зажгла свет на кухне.

Он коротко махнул рукой и скрылся за дверью своей половины дуплекса. Когда моя дверь закрылась, мне показалось, что нас разделяет не тонкая кирпичная стена, а целая вселенная.

Глава 7

На следующий день на работе я вспомнила еще одну важную деталь из фильма, которую хотела обсудить в контексте ожиданий. Я уже открыла вкладку, чтобы отправить Ивану письмо, но обнаружила, что он меня опередил.

Его послание, как обычно, начиналось без каких-либо приветствий и светской чепухи:

Иван: Ты говорила, что у тебя есть идеи, как облегчить мне общение с этими идиотами незнакомцами. Полагаю, это будет темой четвертого урока?

Подведем промежуточные итоги того, что мы уже разобрали:

Недоговаривание — это не ложь во спасение, если слушателю действительно не нужно знать лишние подробности.

1. Разные ожидания для разного контекста (как я понял, мне нужно сосредоточиться на правилах приличия для этого конкретного вечера, а не вести себя так, будто я пью пиво с коллегами на матче); определить и выполнять необходимый минимум.

2. Использовать речевые шаблоны-переходы после затяжного молчания.

3. Если я буду перебивать людей, они не дадут мне денег на проект.

По крайней мере, суть он уловил безупречно. Хотя его рвение использовать «скрипты» меня немного пугало.

Нужно будет проследить, чтобы он не ходил весь вечер между гостями, уныло бубня каждому: «Я тут подумал…». Кажется, мне пора заводить отдельный блокнот для наших уроков, обычных стикеров уже явно не хватало. Обучение затягивалось.

Я уже занесла пальцы над клавиатурой, чтобы напечатать ответ, когда на экране всплыло еще одно оповещение. Снова от Ивана:

Иван: Если ты придешь ко мне сегодня между 18:15 и 18:30 и воспользуешься задней дверью, а не парадной, вероятность того, что тебя кто-то увидит, снизится практически до нуля. Большинство жильцов из соседних таунхаусов паркуют машины у обочины, а не под навесом, если планируют еще куда-то уезжать вечером. Соответственно, они пользуются исключительно парадными дверями. Те же, кто ставит машины под навес, если и выходят из дома, то обычно пешком и опять же через парадный вход. Готовить на улице барбекю в это время никто не начнет как минимум до семи вечера, что дает тебе идеальное временное окно, чтобы остаться незамеченной.

Я обеспечу ужин. Ты обеспечишь обучение.

Любая другая девушка на моем месте была бы как минимум озадачена, а как максимум — смертельно оскорблена такой конспирацией. Но я слишком хорошо знала Ивана.

Его желание всё контролировать не было сюрпризом. Он органически не переносил ситуации, которые выбивались из рамок его ожиданий и планов. Но это не значило, что эти рамки нельзя было немного расширить.

Я искренне верила, что всё дело в практике и его собственном желании.

И если мне требовался стимул, чтобы продолжать эту авантюру, мне достаточно было вспомнить его внезапную улыбку, сосредоточенный взгляд и то невероятное, обжигающее прикосновение к моей спине, от которого у меня до сих пор подкашивались ноги.

Поэтому сегодня, решила я, наш урок будет посвящен вещам, в которых он сможет проявить свою страсть к тотальному контролю на все сто процентов.

— Я прекрасно знаю, в чем заключается твой проект. Суть упражнения в том, чтобы притвориться, будто я вообще ничего о нем не слышу. Представь, что я… ну, например, с Марса.

— На Марсе нет признаков разумной жизни. И каким образом марсианин выучил бы русский язык?

— Соберись, Иван. Фокусируйся. — Я откусила кусочек пиццы, жестикулируя оставшейся частью треугольника. — Это гипотетическая ситуация. Ты же любишь гипотезы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.